

Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности
чувств и переводимости их имен
(в связи с романом М. Кундеры
'Невыносимая легкость бытия')

Анна А. Зализняк

В своей книге 'Semantics, Culture, and Cognition' Анна Вежбицкая, в связи с обсуждением проблемы универсальности эмоций, ввела в лингвистический обиход специфическую 'чешскую эмоцию' *lítost* (агрессивная жалость к самому себе), описанную Миланом Кундерой в романе 'The Book of Laughter and Forgetting'. Я собираюсь рассмотреть еще одну 'чешскую эмоцию', обсуждаемую М. Кундерой в другом романе – 'The Unbearable Lightness of Being'. Речь идет о понятии, воплощенном в чешском слове *soucit* (сочувствие, сострадание); я рассмотрю также тесно связанное с ним – как в романе Кундеры, так и в русском языке – понятие 'любовь'. Наиболее подробно анализируются слова *любовь* и *сочувствие* в русском языке.

Как известно, роман чешского писателя Милана Кундеры 'Невыносимая легкость бытия' увидел свет и обрел славу во французском переводе (*L'insoutenable légèreté de l'être*, Paris: Gallimard, 1984, transl. by François Kérel), впрочем, весьма несовершенном с точки зрения писателя и впоследствии переработанном с его участием. В том же году вышел английский перевод (*The Unbearable Lightness of Being*, N.Y.: Harper & Row, 1984, transl. by Michael Henry Heim), а также польский (*Nieznosna lekkość bytu*, Londyn: Aneks, 1984, transl. by Agnieszka Holland). Оригинальный чешский текст романа был опубликован лишь в следующем, 1985, году (*Nesnesitelná lehkost bytí*, Toronto: Sixty-Eight Publishers, 1985). В последующие несколько лет роман был переведен на многие другие языки – в том числе, немецкий: *Die unerträgliche Leichtigkeit des Seins*, Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1987, transl. by Susanna Roth; итальянский: *L'insostenibile leggerezza dell'essere*, transl. by Giuseppe Dierna, Milano: Adelphi Edizioni, 1989; русский перевод, по причинам

внелитературного характера, появился лишь значительно позже ('Иностранная литература', 1992, № 5, пер. Н. Шульгиной).

Тем самым, вопрос о том, какой из текстов является, так сказать, 'главным', представляет определенные трудности; имеется по крайней мере три претендента: чешский оригинал, опубликованный в 1985 г., французский перевод 1984 года, бывший первым изданием романа, и авторизованный перевод 1987 г. Вообще говоря, нет равным счетом ничего выдающегося в том факте, что книга, написанная на малораспространенном языке, известна лишь в переводе ('Анну Каренину' тоже во всем мире читают в переводе). Однако данный случай – особый: роман М. Кундеры 'Невыносимая легкость бытия' (как и некоторые другие его романы) существует, в некотором смысле, вообще вне связи с каким-то конкретным языком – в форме ряда 'равноправных' текстов на разных языках (многие из которых правил автор, см. Kundera 1987: 18)¹. Эта ситуация не может не показаться парадоксальной, если учесть ту бросающуюся в глаза особенность романов Кундеры, что они в некотором смысле целиком состоят из обсуждения значений слов². Так слов какого языка? Или это все равно?

Несколько забегаая вперед, ответим на этот вопрос: в некотором смысле все равно. Потому что для всех ключевых понятий формулируется некоторое определение, каковое может быть без потерь переведено на другой язык; после чего нужное слово используется уже как вторичный знак, т.е. как означающее этого определения; а эту функцию вполне адекватно может выполнять любой приблизительный эквивалент данного слова в иностранном языке. Этот факт, однако не отменяет проблемы универсальности эмоций и переводимости их имен – т.е. эквивалентности слов как таковых в соответствующих языках.

Одним из конституирующих элементов романа 'The Unbearable Lightness of Being' является треугольник: 'любовь – душа – тело'. Одним из главных вопросов – о тождественности, условно говоря, 'любви души' и 'любви тела': именно к нему, в конечном счете, сводится противоречие между двумя главными героями, постепенно ведущее их к гибели. Здесь, однако, не место рассуждать ни о природе

любви, ни о структуре романа Кундеры: нас интересует лишь значение слов. А именно, мы рассмотрим две группы слов, связанные с ключевыми понятиями романа: во-первых, слова, обозначающие 'любовь' и, во-вторых, слово *soucit*, значение которого приблизительно передается как 'сострадание, сочувствие' (соотносимое с тем что мы выше условно назвали 'любовью души'). Для первой группы слов мы хотели бы получить, в частности, ответы на следующие вопросы: 1) одно и то же или разные слова употребляются для обозначения 'любви души' и 'любви тела'; 2) для каждого употребления слова со значением 'любовь' имеется в виду только что-то одно из двух или возможен синкретизм (неопределенность). Затем проводится сопоставление ответов на эти вопросы для оригинального чешского текста и его переводов на разные языки. Что касается слова *soucit*, то анализ его значения в сопоставлении с близкими понятиями других языков должен послужить непосредственным вкладом в проблематику универсальности эмоций, в духе работ А. Вежбицкой.

1. Любовь

1.1. Любовь в русском языке

Нам известны следующие толкования слов со значением 'любовь', предлагавшиеся в лингвистической литературе.

В книге (Апресян 1974: 107) формулируется определение:

Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) =

'Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и

вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом

или

каузировать Y-у добро'.

А. Вежбицкая (1992а: 145) независимо предлагает похожее толкование для англ. *love*:

love (X loves <person> Y)

- (a) X knows Y
- (b) X feels something good toward Y
- (c) X wants to be with Y
- (d) X wants to do good things for Y

Мы различаем у глагола *любить* два значения, что приблизительно соответствует противопоставлению, проводимому А. Д. Шмелевым между 'эгоистической' и 'альтруистической' любовью (мы ссылаемся на курс лекций 'Ключевые концепты русской языковой картины мира', прочитанный А.Д. Шмелевым в мае – июне 1994 г. в Венском университете). В двух словах это противопоставление состоит в том, что 'эгоистическая' любовь (возможно, точнее было бы назвать ее 'гедонистической') предполагает **получение** удовольствия от использования соответствующего предмета в свойственной ему функции или от реализации некоторой ситуации (любить ананасы, ходить пешком, чтобы все вещи лежали на своем месте). В 'альтруистической' же любви на первый план выступает **желание делать кому-то добро** (любить свою жену, мать, родину).

Различение значений 'любить 1' и 'любить 2' мы проводим на чисто семантическом основании, т.е. на основании различия толкований; однако оно подтверждается еще некоторыми дополнительными обстоятельствами, о которых пойдет речь ниже.

В качестве иллюстрации значения 'любить 1' приведем отрывок из книги В. Драгунского 'Денискины рассказы':

Я очень люблю лечь животом на папино колено, опустить руки и ноги и вот так висеть на колене, как белье на заборе [...]

Ужасно люблю рассказы про красных кавалеристов, и чтобы они всегда побеждали.

Люблю стоять перед зеркалом и гримасничать, как будто я Петрушка из кукольного театра. Шпроты я тоже очень люблю. [...]

Я люблю гостей.

Еще очень люблю ужей, ящериц и лягушек.

Для значения 'любить 1' мы предлагаем следующее толкование:

X любит 1 Y – 'X получает удовольствие всякий раз, когда находится в контакте с Y-ом' [для случая, когда Y – это ситуация, 'находиться в контакте с Y-ом' означает 'быть участником данной ситуации']. Приблизительные синонимы: *нравиться*. Особо отметим, что в нашем толковании *любить 1* отсутствует смысл 'хотеть'.

Объектом у 'любить 1' может быть класс ситуаций, класс предметов или единичный предмет ('абстрактный индивид', в терминах Булыгина, Шмелев 1989)³. По-видимому, следует согласиться с мнением А.Д. Шмелева, что объект у 'любить 1' – это, в конечном счете, всегда класс ситуаций: класс предметов, формально являющийся объектом этого глагола, скрывает за собой множество ситуаций его 'стандартного использования' (и в этом отношении 'любить 1' противопоставлено 'любить 2')⁴. Так, *любить шпроты* означает любить их есть, *любить гостей* – любить, когда приходят гости, *рассказы про красных кавалеристов* – их читать или слушать, и т.д. То же – в случае индивидных объектов; как пишет А. Вежбицкая, 'если кто-нибудь говорит *Lubię ten obraz* "Я люблю эту картину", то это высказывание интерпретируется как "я всегда смотрю на эту картину с удовольствием" или что-то в этом роде' (Вежбицкая 1982: 255); ср. также (Пеньковский 1991:150) о том, что стимулом удовольствия всегда является действие. При этом, чем менее очевидным является способ 'стандартного использования' некоторого объекта, тем менее отчетливо значение 'любить 1' оказывается противопоставленным 'любить 2'. Это происходит, прежде всего, в том случае, когда объектом любви является класс живых существ, с которыми возможен **душевный контакт** (каковой сразу переносит нас в сферу 'любви 2'): *любить детей, животных, собак*; в меньшей степени – *ужей, лягушек, ящериц*, где слово *люблю* означает что-то вроде 'мне нравится, когда они есть (рядом)', т.е. имеет значение 'любить 1' – см. пример выше.

Показательна в этом отношении концовка рассказа В. Драгунского 'Что любит Мишка', где герой перечисляет огромное количество разных видов еды, которую он любит: 'Ой, – сказал он смущенно, – чуть не забыл! Еще – котят! И бабушку!' Комический эффект здесь обусловлен тем, что

бабушка очевидно относится к сфере 'любви 2', и тем самым не может стоять в том же ряду, что продукты питания (любовь к котяткам имеет некий промежуточный статус). Одновременно, сочетания *Я всей душой люблю мороженое; Вареную колбасу люблю прямо безумно* (из того же рассказа) тоже несколько аномальны – из-за того, что выражения *всей душой, безумно*, и т.п. относятся к сфере 'любви 2', а тип объекта указывает на реализацию значения 'любить 1'.

В высказывании Печорина *Я люблю врагов, но не похристиански* утверждается именно наличие 'любви 1', а не 'любви 2'. *Люблю врагов* здесь означает 'мне доставляет удовольствие, когда они есть' (ср. *люблю гостей, шпроты*), т.е. 'люблю 1'.

Во фразе *Он любит своих детей* имеется единичный объект ('множест-венный индивид') и реализуется значение 'любить 2' – в отличие от *Он любит детей* (так же, как *собак, лошадей, поэзию, Достоевского* – в смысле 'совокупность его сочинений', ср. Бульгина, Шмелев 1989: 54), где происходит референция к классу и реализуется, соответственно, значение 'любить 1'. (Так, например, один из персонажей романа 'Доктор Живаго' не любил детей, утверждая, что от них 'только грязь и беспокойство в доме'.)

Важным свойством значения 'любить 1' является идиоматический характер его сочетания с отрицанием (*не любить 1* означает 'испытывать неприязнь'). Этот факт отмечается в работе (Богуславский 1985: 35) – ср. (мы несколько видоизменяем примеры): *Он не любит свою тещу* ('испытывает неприязнь') и *Он не любит свою жену* ('неверно, что любит')⁵. В первом примере представлено значение 'любить 1', во втором – 'любить 2'. Соответственно, предложение типа *Иван не любит Марию*, неоднозначно; можно попробовать уточнить: ты имеешь в виду 'не любит' вместе или **раздельно?**

Согласно гипотезе А.Д. Шмелева, высказанной в частной беседе, эффект взаимодействия 'любить 1' с отрицанием – тот же, что и у глагола *хотеть* и обусловлен наличием идеи 'хотеть' в семантической структуре 'любить 1' ('не хотеть' обозначает не отсутствие желанья, а активное отталкивание, ср. разные глаголы лат. *volo* и *nolo*, разные семантические примитивы *want* и *diswant* в одной из версий метаязыка А. Вежбицкой).

На наш взгляд, несколько точнее было бы сказать, что источником идиоматического сочетания с отрицанием является присутствующий в 'любить 1' смысл 'удовольствие' или 'приятно' (*неприятно* обозначает отрицательное отношение, а не отсутствие положительного) – так как 'любить 1' вообще говоря не обязательно предполагает 'хотеть'.

Надо сказать, что сочетание *не любить* обладает большой степенью самостоятельности – это сочетание является идиоматическим также и в том смысле, что, например, должно выучиваться иностранцем как отдельная единица русского языка. К *не любить* легко присоединяются наречия степени (*очень, ужасно, страшно*); имеется некоторая непрерывная шкала: *не люблю – очень не люблю – не выношу, не переношу, терпеть не могу – ненавижу*. Т.е. вообще говоря сочетание *не любить* должно иметь отдельный словарный вход.

Другой характерной особенностью значения 'любить 1', связанной с отрицанием (и отличающей его от 'любить 2'), является допустимость родительного падежа объекта. Ср.:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики. (Ахматова)

Перейдем теперь ко второму значению.

Значение 'любить 2' реализуется в контекстах типа: *любить женщину, жену, мать, сына, собаку, родину*. Объект здесь может быть только предметным и только конкретно-референтным. Значению 'любить 2' приблизительно соответствует приведенное выше толкование А. Вежбицкой для англ. *love* (сфера 'любить 1' занята в английском языке словом *like*, см. Wierzbicka 1992a: 146).

Мы предлагаем следующее описание для 'любить 2':

X любит 2 Y – 'X испытывает любовь к Y-у'. 'Любовь' частично анализируется как 'чувство X-а по отношению к лично знакомому человеку Y⁶, которое вызывает у X-а

желание быть в контакте с Y-ом и делать Y-у добро⁷, но здесь остается некоторый неразложимый остаток, постичь который – задача скорее искусства, чем науки; поэтому мы оставляем слово 'любовь' в толковании. Используя способ представления эмоций, предложенный в работе (Апресян, Апресян 1993), можно добавить сюда, что любовь – это 'такое чувство, когда душа человека испытывает нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему тепло' (ср. проведенное в упомянутой работе уподобление 'страсть – жар'). Приблизительные синонимы: нет.

Существительное *любовь* мы считаем семантически производным от глагола *любить* и выделяем у него те же два значения⁸:

Любовь 1 X-а к Y-у (например: к животным, к живописи, к прогулкам в одиночестве, к порядку) – 'свойство X-а, состоящее в том, что X любит 1 Y'. Приблизительные синонимы: *пристрастие, приверженность, склонность; страсть*.

Любовь 2 X-а к Y-у (мужчины к женщине или женщины к мужчине; к другу; к своим детям, родителям, родине, собаке; к Богу, к ближнему) – 'любовь X-а к Y-у'. Приблизительные синонимы: *страсть; привязанность*.

Обратим внимание на то, что только 'любовь 2' является чувством; 'любовь 1' – это свойство X-а; ср. *чувство любви к родителям*, но не **чувство любви к живописи*. Аналогичное различие имеется и в значении соответствующих глаголов.

Очевидно, что человек по-разному любит свою мать, дочь, жену, любовницу, друга, собаку и родину. Здесь можно говорить о классификации видов любви – в духе Платона или Стендаля. Мы, однако, этим не занимаемся; наша задача – дифференциация лексических значений русского глагола *любить*. Наиболее очевидное разграничение, которое здесь напрашивается, – между любовью, предполагающей и не предполагающей желание 'сексуального контакта' (что можно считать частным случаем 'контакта' – см. толкование выше).⁹ Однако, по-видимому, по крайней мере для русского языка, чисто языковых оснований для разграничения соответствующих двух лексических значений нет. Ср., например [женщина говорит своему возлюбленному]: 'Люблю тебя больше дочери, больше всех, всех' (Ю. Трифонов); здесь,

очевидно, нет никакой игры слов (возникающей при употреблении одного слова сразу в двух значениях). Однако в некоторых случаях – а именно, при тождестве объекта – неоднозначность возможна, ср.:

- У Владимира Николаевича доброе сердце, – заговорила Лиза, – он умен; мамап его очень любит.

- А вы его любите?

- Он хороший человек; отчего ж мне его не любить? (Тургенев, 'Дворянское гнездо').

- Я вас люблю... [...]

- Мы старые друзья, – сказала она, – и я вас...

- Нет, Вера Васильевна, люблю еще – как женщину... (Гончаров, 'Обрыв')

Как отмечает А.Д. Шмелев, для русской языковой картины мира харак-терен дуализм, условно говоря, 'высокого' и 'низкого'. Целый ряд понятий существует в таких двух ипостасях, в том числе любовь – соответственно, 'высокая' – альтруистическая и 'низкая' – эгоистическая. Эту картину можно было бы детализировать следующим образом. Имеется пара русских слов (блестяще проанализированная в работе Пеньковский 1992) *радость* и *удовольствие*. Рассмотрим слова *счастье* и *наслаждение* (о словах со значением 'счастье' в разных языках см. статью Wierzbicka 1992b). Как можно убедиться, они составляют 'пропорцию' с предыдущей парой: счастье – это очень большая радость, а наслаждение – очень большое удовольствие¹⁰. Возвращаясь теперь к глаголу *любить*, мы видим, что если 'любить 1', как уже отмечалось, соотносится с удовольствием, то 'любить 2' – со счастьем: так сказать, удовольствие является 'целью' 'любви 1', счастье – 'целью' 'любви 2'¹¹. Различие по шкале 'интенсивности' при этом может варьировать: можно испытывать наслаждение от произведения искусства, прогулки на свежем воздухе и даже поедания ананаса; с другой стороны, существует 'тихая радость материнства'; радость может быть также локальным итогом встречи с любимым человеком (любовь, 'целью' которой является наслаждение в более узком смысле, – это 'любовь 3'; она будет рассмотрена в следующем разделе).

1.2. Любовь в романе Кундеры

Кроме смыслов 'любить 1' и 'любить 2', о которых шла речь в предыдущем разделе, введем в рассмотрение смысл 'любить 3' ('to make love'). Русский глагол *любить* этого значения не имеет, хотя может его окказионально выражать. А именно, значение 'любить 3' возникает у русского глагола *любить* в качестве паразитического, когда этот глагол оказывается – в результате случайности, шутки или других видов языкового экспериментирования – в контексте некоторых временных наречий, обстоятельств места или образа действия, навязывающих этому глаголу несвойственное ему категориальное значение процесса и в силу этого – реализацию лексического значения 'любить 3' (нормально этот глагол обозначает состояние и с определенными классами наречий не сочетается, ср. Булыгина 1982: 47). Например:

Мяса Александр Иванович не ест и женщин не любит. Хотя иногда любит. Кажется, даже очень **часто**. (Д. Хармс)

Другой пример – из фольклора лингвистических экспедиций Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ (возникший случайно в результате комбинирования разных предикатов с разными аргументами при порождении фраз, предлагаемых носителям изучаемого языка для перевода):

Мальчик девочку в комнате любит.

С большей легкостью смысл 'любить 3' может приобретать этот глагол во взаимно-возвратном залоге. Так, следующие строки из песни Эдит Пиаф могут быть достаточно адекватно переведены выражением *любить друг друга* (отсутствие цинического эффекта как во французском, так и в русском варианте обусловлено синкретическим выражением смысла 'любить 2' – см. ниже):

...ils ont demandé
d'une voix tranquille
un toit pour s'aimer

Значение 'любить 3' не возникает (т.е. по крайней мере не навязывается языком) в том случае, когда обстоятельство места указывает в первую очередь на период времени, причем довольно длительный, когда человек находился в данном месте – например, *Они любили друг друга в Париже* (т.е. когда были в Париже). Ср. также у Бродского:

А зимой там колот дрова и сидят на репе
и звезда моргает от дыма в морозном небе,
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
да пустое место, где мы любили.

Существительное *любовь* имеет соответствующее значение лишь в выражении *заниматься любовью* (которое очевидно является калькированным), и может приобретать его окказионально.¹²

Посмотрим теперь, как выражаются смыслы 'любить 2' и 'любить 3' в текстах романа Кундеры 'Невыносимая легкость бытия' на семи языках. Нас будут интересовать не все возможные способы обозначения, а лишь вопрос о том, когда смыслы типа 3 могут выражаться при помощи тех же средств, что и смыслы типа 2. Результаты исследования данного вопроса могут быть представлены в виде следующей Таблицы. Квадратные скобки (простые и двойные) означают, что данное выражение приобретает это значение лишь окказионально – соответственно, с большей или меньшей степенью свободы (т.е. конвенционально данное выражение такого значения не имеет); прочерк означает, что в данном языке (по крайней мере – в тексте романа Кундеры) для выражения смысла типа 3 всегда используется другое слово, чем для выражения смысла типа 2.

Таблица

	'любить 2'	'любить 3'	'любовь 2'	'любовь 3'
чешск.	milovat	milovat	láska	milování
польск.	kochać	kochać (się z)	miłość	kochanie (się)
русск.	любить	[[любить]]	любовь	[[любовь]]
нем.	lieben	lieben	Liebe	Liebe
англ.	love	---	love	---
франц.	aimer	[aimer]	amour	[amour]
итал.	amare	---	amore	[amore]

Прежде всего интересно, что все рассматриваемые языки в данном отношении устроены по-разному. Наибольшими полисемическими возможностями обладает немецкий язык, где смысл 'любить 3' относительно свободно передается глаголом *lieben*, а 'любовь 3' – существительным *Liebe*. Наоборот, в английском языке слово *love* вообще не используется в смысле 3. В польском языке, как и в чешском, для 'любить 3' может использоваться тот же глагол, что и для 'любить 2' (хотя чаще смысл 'любить 3' выражается тем же глаголом, но во взаимно-возвратном залоге), а для 'любовь 3' – образованное от него отглагольное имя ('любовь 2' в обоих этих языках обозначается другим словом). В чешском тексте смысл 'любить 3' выражается глаголом *milovat* (т.е. так же, как 'любить 2'); смысл 'любовь 3' – существительным *milování* (образованным от глагола со значением 'любить 2-3'); смысл 'любовь 2' выражается другим словом (*láska*). Просмотр (при помощи компьютера) всех вхождений слова *milovat* позволяет сделать вывод, что несмотря на тождество означающего, двусмысленности не возникает: выбор понимания с 'любить 2' или с 'любить 3' однозначно определяется либо за счет наличия в предложении различного рода обстоятельств (ср. выше), либо выводится из более широкого контекста. Если этот вывод сделан неправильно – как, например, в итальянском и польском переводах приводимого ниже предложения – смысл исходного текста оказывается очевидным образом искаженным (что является подтверждением того факта, что в

случае с чешским глаголом *milovat* мы имеем дело с полисемией, а не синкретизмом):

V, 12:

Jestě dřívě, než se stačil ptát, jaká bude, až se budou milovat, už ji miloval.

Ср. правильный английский перевод и неправильный итальянский:

Before he could start wondering what she would be like when they made love, he loved her.

Prima di avere il tempo di chiedersi come sarebbe stata durante l'amore, stava già facendo l'amore con lei.

Во французском языке существительное *amour* (а в итальянском – *amore*) могут употребляться для обозначения 'любви 3'. Что касается французского глагола *aimer*, то в значении 'любить 3' он встретился лишь один раз – и при этом в контексте, где оппозиция между 'любить 2' и 'любить 3' наименее отчетлива: на реализацию значения 'любить 3' указывают различные обстоятельства времени и образа действия; однако смысл 'любить 2' здесь, очевидным образом тоже присутствует:

III, 8: *Ella l'aima, cette nuit-là, avec plus de fouge que jamais auparavant... Elle l'aimait et elle était déjà ailleurs, loin d'ici [...]*
*Ella aimait Franz follement, farouchement, comme elle ne l'avait jamais aimé.*¹³

Ср. русский перевод, где тоже возникает синкретичное понимание:

Она любила его в эту ночь яростнее, чем когда-либо прежде... Она любила его, но была уже где-то далеко отсюда. [...] Она любила Франца так исступленно, так дико, как никогда не любила его.

Наибольший интерес, как кажется, представляет тот факт, что в рассматриваемом отношении русский язык оказался в большей степени сходен с французским, чем с чешским и польским: а именно, в русском, как и во французском, глагол с основным значением 'любить 2' может употребляться в значении 'любить 3' только при том условии, что он выражает одновременно также и смысл 'любить 2'. Приведем один пример обсуждаемого синкретизма значений у русских слов *любить* и *любовь* из русской литературы:

От прошлого у него сохранилось воспоминание о беззаботных, добродушных женщинах, веселых от любви, благодарных ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о таких, — как, например, его жена, — которые любили без искренности, с излишними разговорами, манерно, с истерией, с таким выражением, как будто то была не любовь, не страсть, а что-то более значительное. (А.П. Чехов 'Дама с собачкой')

Наоборот, в чешском и польском — так же, как в немецком — глагол с основным значением 'любить 2' имеет отдельное лексическое значение 'любить 3'.

Однако отмеченное сходство между русским и французским языком — чисто поверхностное: во французском языке глагол *aimer* не имеет конвенционального значения 'любить 3' скорее всего потому, что для этого значения имеется более стандартный способ выражения — то же верно для английского и итальянского (соответственно, *faire l'amour*, *make love*, *fare l'amore*), а русский глагол *любить* не имеет значения 'любить 3' при том что в русском языке не только нет более стандартного способа выражения этого смысла, но — в силу известных культурно-исторических причин — он вообще не может иметь стилистически нейтрального способа выражения. Западно-славянские языки тем самым в рассматриваемом отношении являются 'западными' (т.е. принадлежат к другой культурно-исторической традиции).

Что же касается вопроса о тождественности 'любви души' и 'любви тела', с которого мы начали — он, естественно, остается открытым. Изложенное выше лишь может служить

материалом для размышлений над лингвистическим аспектом проблемы, а также, возможно, для дальнейших сравнительно-культурологических изысканий.

2. Сочувствие

Как уже говорилось, любовь и сочувствие (сострадание, жалость) тесно связаны между собой — как в романе Кундеры, так и в русском языке. Одна из крайних форм сочувствия (в смысле *soucít*, о котором будет идти речь) — это явление стигматов, представляющее собой проявление любви к Богу. О близости любви и жалости в русском языковом сознании см. Wierbicka 1992a: 256. Что же касается романа "Невыносимая легкость бытия", то в нем слово *soucít* обозначает не что иное как тот вид любви, которую испытывает главный герой Томас к Терезе (ср. также выражение 'love-soucít' в Němcová Banerjee 1990).

2.1. Soucít в романе Кундеры

Концепт, заключенный в чешском слове *soucít*, по праву должно занять свое место в следующем ряду описанных А. Вежбицкой 'национально-специфических' эмоций: Ifaluk *fago* (love/compassion), Tahitian *arofa* (empathy/pity/compassion), Samoan *alofa* (love/charity/sympathy) etc. (Wierzbicka 1992a).

Слово *soucít* впервые появляется в самом начале романа (I,9) и сопровождается пространным метаязыковым комментарием. Приведем его полностью:

All languages that derive from Latin form the word 'compassion' by combining the prefix meaning 'with' (*com-*) and the root meaning 'suffering' (Late Latin, *passio*). In other languages — Czech, Polish, German, and Swedish, for instance — this word is translated by a noun formed of an equivalent prefix combined with the word that means 'feeling' (Czech, *sou-cít*; Polish, *współ-czucie*; German, *Mit-gefühl*; Swedish, *med-känsla*).

In languages that derive from Latin, 'compassion' means: we cannot look on coolly as others suffer; or, we sympathize with those who suffer. Another word with approximatively the same meaning, 'pity' (French, *pitié*; Italian *pietà*; etc.), connotes a certain condescension towards the sufferer. 'To take pity on a woman' means that we are better off than she, that we stoop to her level, lower ourselves.

That is why the word 'compassion' generally inspires suspicion; it designates what is considered an inferior, second-rate sentiment that has little to do with love. To love someone out of compassion means not really to love.

In languages that form the word 'compassion' not from the root 'suffering' but from the root 'feeling', the word is used in approximatively the same way, but to contend that it designates a bad or inferior sentiment is difficult. The secret strength of its etymology floods the word with another light and gives it a broader meaning: to have compassion (co-feeling) means not only to be able to live with the other's misfortune but also to feel with him any emotion – joy, anxiety, happiness, pain. This kind of compassion (in the sense of *soucít, wespół-czucie, Mit-gefühl, med-känsla*) therefore signifies the maximal capacity of affective imagination, the art of emotional telepathy. In the hierarchy of sentiments, then, it is supreme.

Далее следует иллюстрация (разрядка моя – А.З.):

By revealing to Tomas her dream about jabbing needles under her fingernails, Tereza unwittingly revealed that she had gone through his desk. If Tereza had been any other woman, Tomas would never have spoken to her again. Aware of that, Tereza said to him, 'Throw me out!' But instead of throwing her out, he seized her hand and kissed the tips of her fingers, because at that moment he himself felt the pain under her fingernails as surely as if the nerves of her fingers led straight to his own brain.

Anyone who failed to benefit from the Devil's gift of compassion (co-feeling) will condemn Tereza coldly for her deed, because privacy is sacred and drawers containing intimate correspondence are not to be opened. But because compassion was Tomas's fate (or curse), he felt that he himself had knelt before the open desk drawer, unable to tear his eyes from Sabina's letter. He

understood Tereza, and not only was he incapable of being angry with her, he loved her all the more.¹⁴

Приведем еще один отрывок (I,15) [описывается состояние героя в тот момент, когда героиня уехала от него из Цюриха, где они находились в эмиграции, обратно в оккупированную Прагу]:

This curious melancholic fascination lasted until Sunday evening. On Monday, everything changed: Tereza forced her way into his thoughts: he imagined her sitting there writing her farewell letter; he felt her hands trembling; he saw her lugging her heavy suitcase in one hand and leading Karenin on his leash with the other; he pictured her unlocking their Prague flat, and suffered the utter abandonment breathing her in the face as she opened the door.¹⁵

Слово *soucít* в романе Кундеры выступает как вторичный знак (это 'existential code', см. Kundera 1987: 125, главного героя – Томаса); его значение, тем самым, не совпадает со значением слова *soucít* в чешском языке. Не соответствует оно и определению, даваемому Кундерой: слово *soucít* реально употребляется в романе для обозначения способности к сопереживанию не любого чувства, т.е. в том числе радости и счастья, а лишь отрицательных или болезненных ощущений.¹⁶ Т.е. имеется, на самом деле, три разных вещи: значение слова *soucít*, постулируемое Кундерой, значение этого слова, выводимое из его употребления в романе, значение этого слова в чешском языке; нас будет интересовать прежде всего второе.

На метаязыке, используемом А. Вежбицкой, значение слова *soucít*, выводимое на основании его употребления в романе может быть представлено следующим образом:

- soucít* (*X feels soucít towards a person Y*)
- (a) X knows Y
  - (b) X thinks of Y
  - (c) X feels something good toward Y
  - (d) X thinks something like this:
  - (e) something bad happened to Y

- (f) because of this, Y feels something bad
- (g) X feels as if he felt the same bad thing himself

Это толкование частично состоит из компонентов, входящих в толкования слов *compassion*, *love*, *жалость*, *fago* из (Wierzbicka 1992a); эти компоненты выделены курсивом, ср.:

compassion

- (a) *X thinks something like this:*
- (b) *something bad happened to Y*
- (c) *because of this, Y feels something bad*
- (d) if it happened to me, I would feel something bad
- (e) when X thinks this, X feels something good toward Y

love

- (a) *X knows Y*
- (b) *X feels something good toward Y*
- (c) X wants to be with Y
- (d) X wants to do good things for Y

жалость

- (a) *X thinks something like this:*
- (b) *something bad is happening to Y*
- (c) *because of this, Y feels something bad*
- (d) I would want it didn't happen
- (e) because of this, X feels something good toward Y
- (f) if X could, X would want to do something good for Y

fago

- (a) *X thinks of Y*
- (b) *X feels something good toward Y*
- (c) X thinks something like this:
- (d) something bad can happen to a person
- (e) when something bad happens to someone, some people should do something for this person
- (f) I don't want bad things to happen to Y
- (g) when X thinks that something bad can happen to Y, X feels something bad
- (h) because of this, X wants to do something good for Y

Как легко убедиться, в предлагаемом толковании *soucít* все компоненты, кроме одного, входят также в состав близких концептов (это компоненты (a) – (e)). Новым является компонент 'X feels as if he felt the same bad thing himself', отражающий идею 'эмоциональной телепатии' ('сочувствования'), т.е. испытывание чужой боли как своей. Этот смысл не входит ни в одно из близких понятий других языков (по крайней мере, из имеющихся в нашем распоряжении); он и составляет, по-видимому, "национальную специфику" чешской эмоции 'soucít' (напомним, однако, что речь идет о значении, в котором употребляется данное слово в романе М. Кундеры 'Невыносимая легкость бытия', а не в чешском языке в целом). Заметим, что в некоторых близких понятиях обсуждаемый смысл присутствует в более 'слабой' форме – ср. компонент (d) в *compassion*, а также мысль о том, что 'в основе сочувствия, сострадания и участия лежит **частичное отождествление себя с другим человеком, желание разделить его боль**' (Левонтина 1994).

2.2. Сочувствие в русском языке

В русском языке имеется оба слова – *сострадание* и *сочувствие* (производные от корня со значением 'страдание' и 'чувство' – как, например, в немецком *Mitleid* и *Mitgefühl*). Слово *сострадание*, в соответствии с этимологией, может относиться только к чужому страданию. Посмотрим, что означает слово *сочувствие*. Согласно И.Б. Левонтиной, слово *сочувствие* имеет два значения:

1. чувство, которое человек испытывает, когда, считая, что кому-л. плохо, ощущает от этого душевную боль' (приблизительные синонимы: *жалость*, *сострадание*): он вызывает сочувствие своим полным одиночеством и беззащитностью.

2. 'благожелательное отношение, поддержка, одобрение' (приблизительный синоним: *солидарность*): все мое сочувствие на вашей стороне.

Мы предлагаем альтернативное описание – охватывающее существительное *сочувствие* и одновременно глагол

сочувствовать, – построенное на несколько иных принципах. А именно, мы выделяем в слове *сочувствие* несколько семантических компонентов, которые могут выступать в разных комбинациях и иметь разную относительную значимость в разных типах употреблений.

Здесь нужно одно предварительное замечание: дело в том, что объектом сочувствия может быть либо человек, оказавшийся в некоторой ситуации (формально объектная позиция занята или именем человека или именем ситуации, или даже и то и другое одновременно, но содержательно это одно и то же: *сочувствие к кому-то; чьему-то горю; он вызывает сочувствие своим полным одиночеством*), либо некоторая ментальная сущность идеологического характера (*сочувствовать революции, чьим-то убеждениям*). Предлагаемое описание ориентировано на первый тип употреблений (для второго необходим некоторый, вполне несложный, пересчет). Итак, значение слова *сочувствие* складывается из следующих более простых смыслов:

Сочувствие X-а к Y-у; X сочувствует Y-у:

- (а) X испытывает нечто хорошее по отношению к Y-у
- (б) X может представить себя испытывающим то, что испытывает Y
- (в) X может представить себя считающим то, что считает Y
- (г) X считает, что Y-у плохо
- (д) X-у плохо оттого, что плохо Y-у
- (е) X хочет, чтобы Y-у было хорошо

Перечисленные семантические компоненты имеют разную значимость. А именно, главным ассертивным компонентом в конкретном употреблении слова *сочувствие* или *сочувствовать* могут быть только (б), (в), (г) или (д); компонент (д) при этом может появляться только при наличии (г). Компоненты (а) и (е) не могут составлять ассерцию: (а) является как бы условием возникновения состояния, соответствующего (б), а (е) – следствием из (г) + (д).

Формула 'может представить себя...' отражает характерное для русского слова *сочувствие* **частичное** присоединение к чужой точки зрения, оценке, чувству – отличая, с одной

стороны, человека, сочувствующего некоторой идее, от человека, разделяющего ее (ср. ниже примеры (7)-(8)) – и, с другой – русское *сочувствие* от кундеровского *soucit* (где человек не только может представить себя испытывающим, но и действительно испытывает то же чувство, что и Y). Глагол 'испытывать' выбран как предикат, которому подчинены имена чувств и ощущений – боли, и т.п. (второе встречается реже – ср., однако пример (11)). Глагол 'считать' выбран как предикат, вводящий неверифицируемые пропозиции (т.е. взгляды на мир) *par excellence* – см. Зализняк 1992.

Наиболее существенным признаком, отличающим *сочувствие* от *сострадания* (ср. выше толкование Вежбицкой для *compassion*) является компонент (г) 'X может представить себя считающим то, что считает Y'. В этом смысле сочувствие является более 'ментальным', чем сострадание; оно предполагает некоторую точку зрения, некоторый взгляд на вещи. Можно предположить, что, например, в эпоху террора сострадание к политзаключенным не было преступлением – в отличие от сочувствия, которое безусловно рассматривалось как таковое (ср. пример (3)). Этот компонент обуславливает значение 'одобрения, поддержки', т.е. частичного присоединения к чужой позиции, которое возникает в контексте объекта, обозначающего ментальную сущность.

Приведем некоторые примеры (после каждого из них указаны компоненты из приведенного выше списка, которые выступают на первый план в данном употреблении):

- (1) И только Варя не покинула Софью Александровну, а значит, не покинула и Сашу. Ничего между ними не было, и все же стояла с ней в тюремных очередях, готовила передачи, защищала от грубых клиентов в прачечной, своим участием скрашивала ее одинокую жизнь. И делала это не только из сострадания. За этим незримо стоял Саша, интерес к нему, **сочувствие** к его судьбе. (А. Рыбаков): (а), (б), (в), (г), (д), (е)

Этот пример интересен тем, что здесь *сочувствие* противопоставлено *состраданию*, и различаются они именно

за счет компонента (в), отражающего положительную оценку позиции Y-а.

(2) Что бы ни стояло за этими рассуждениями – одиночество, **сочувствие** девушке, как и он, попавшей в забытый край, – все равно это была любовь, неожиданная в таком деловом человеке, волоките и жуире. (А. Рыбаков):

(б), (г), (д)

(3) Но, как ни хитрил он, было видно, что **сочувствует** спецпереселенцам, и у него есть дети, и сам он такой же человек, как и они. (А. Рыбаков):(б), (г), (д)

(4) Сын в каждом письме спрашивал, как подвигается у него работа. Это **сочувствие** сына очень бодрило и поощряло Мартына Мартыновича (МАС): (а), (б), (е)

(5) Костоглотов смотрел на него не с жалостью, нет, а – с **сочувствием**: эта пуля твоя оказалась, а следующая, может, моя (Солженицын; пример из Wierzbicka 1992a: 168): (б), (г)

(6) – Так, Панкратов... Подумали вы над тем, что я вам советовал?

– Да, подумал. Но я не знаю, о чем идет речь.

– Плохо! – Дьяков качнул головой. В его голосе слышался упрек, сожаление, даже **сочувствие**, мол, не жалеешь ты себя, браток! (А. Рыбаков): (г), (д)

Ряд *упрек*, *сожаление*, *сочувствие* имеет общий смысловой компонент 'X считает, что Y находится в плохом положении'; при этом эти три слова выстроены по нарастанию элемента 'эмоциональной затронутости' X-а плачевным положением Y-а: он практически отсутствует в слове *упрек*, имеется в слабой форме в слове *сожаление* и в более сильной – в слове *сочувствие* (ср. компонент (д) нашего толкования). Это нарастание маркируется словом *даже* (ср. Богуславский 1985).

(7) Тот, маленький, в бобриковом пальто, снова не ответил на ее вопрос, посмотрел с **сочувствием** и отвернулся. Теперь Софья Александровна ждала худшего (А. Рыбаков): (г)

Как видно из контекста, здесь *сочувствие* означает лишь негативную оценку положения X-а.

(8) Он быстро сделался одним из тех [...] людей, которые, стоя в центре различных общественных течений, но не присоединяясь ни к одному из них[...] всем **сочувствуют** и даже, при случае, готовы оказать явные и тайные услуги (Горький): (в)

(9) Человек передовых взглядов и миллионер, **сочувствовавший** революции, сам Кологривов с женою находился в настоящее время за границей.(Пастернак): (в)

(10) Вся эта глупейшая, бестактная и, вероятно, политически вредная вещь заставила гневно содрогаться Павла Иосифовича, но, как это ни странно, по глазам столпившейся публики видно было, что в очень многих людях она вызвала **сочувствие**! (Булгаков): (в)

(11) Самгин кивнул головой, **сочувствуя** тяжести усилий, с которыми произносил слова заика. (Горький): (б)

Заметим, что слово *сочувствие* может иметь в русском языке употребление, где его значение приближается к тому, чего хотел бы Кундера от слова *soúcit*: 'чувствование того же самого (причем не обязательно плохого)'; некоторая нестандартность такого употребления маркируется в авторском тексте кавычками:

Для нас его книга ['Мемуары' Казановы] драгоценна, ибо пробуждает в нас то 'сочувствие', которое является целью всякого художественного произведения. Эту жизнь и судьбу мы переживаем со всем цветом и всей звучностью, вложенными в рассказ старого авантюриста. Во всех его приключениях нет ничего необыкновенного, кроме необыкновенности питавшего его внутреннего жара. По существу же все просто и человечно у Казановы, все лежит в кругу наших мыслей и чувств. И в истории его жизни мы часто узнаем страницы своей истории, вечной истории человеческой жизни. (П.П. Муратов. 'Образы Италии').

Я благодарна Д. Вайсу, Р. Джаквинта, А.А. Зализняку, Г.Е. Крейдлину, С.А. Крылову, И.Б. Левонтиной, М.Ю. Михееву и А.Д. Шмелеву за замечания и соображения, высказанные в ходе обсуждения первоначального варианта статьи, а также Т.Бергеру, любезно предоставившему мне труднодоступный чешский текст романа М.Кундеры 'Невыносимая легкость бытия', без которого данная работа не могла бы быть выполнена.

Россия 103009 Москва
Институт Языкознания

Примечания

1. Заметим в скобках, что оригинальный текст недоступен массовому читателю не только из-за трудности чешского языка, но и просто физически. Дело в том, что этот роман по-чешски ни разу не переиздавался - даже после того, как на родине писателя политические препятствия к тому исчезли. Каковы бы ни были причины этого, сам факт, как нам кажется, подтверждает то, что в данном случае мы имеем дело не с отношением 'оригинал - перевод', а с рядом в некотором смысле равнозначных текстов.
2. В одном из своих интервью М. Кундера описывает используемый им механизм метаязыкового манипулирования следующим образом: сначала он приводит пример характерной ситуации, в которой у человека возникает некоторое чувство (ср. описание эмоций через прототипическую ситуацию ее возникновения в работах Wierzbicka 1972 и Иорданская 1970), потом ищет название для этого чувства (т.е. слово), и дальше уже дает толкование этому слову:

Take *Life is elsewhere*: The hero, the bashful Jaromil, is still a virgin. One day, he is out walking with a girl who suddenly lays her head on his shoulder. He is overcome with happiness and even physically excited. I pause over that mini-event and note: 'The pinnacle of happiness Jaromil had experienced up to this point in his life was having a girl's head on his shoulder'. And from that I try to grasp Jaromil's erotic nature: 'A girl's head meant more to him than a girl's body'. Which does not mean, I make clear, that he was indifferent to the body, but 'he didn't long for the nudity of her body. He didn't long to possess a girl's body; he longed to possess the face of a girl who would yield her body to him as proof of her love'. I try to give a name to that attitude. I choose the word 'tenderness'. And I examine the word: just what is tenderness? I arrive

at successive answers: 'Tenderness comes into being at the moment when life propels a man to the threshold of adulthood: He anxiously realizes all the advantages of childhood which he had not appreciated as a child'. And then: 'Tenderness is the fear instilled by adulthood'. And then a further definition: Tenderness is the creation of 'a tiny artificial space in which it is mutually agreed that we would treat others as children' (Kundera 1987: 125).

Предлагаемые Кундерой дефиниции вряд ли можно считать толкованием слова *нежность* - однако нечто схвачено здесь очень точно, ср. толкование А. Вежбицкой (1992: 260) для русского уменьшительно-ласкательного суффикса *-очка*:

I feel something good toward you
of the kind that people feel speaking to small children.

3. В этом отношении *любить* противопоставлено *нравиться* (ср. Булыгина 1982: 29), где объектом может быть также единичная ситуация ср.: *Мне нравится, что вы больны не мной*. Отметим, что, например, французский глагол *aimer* устроен в этом отношении так же, как русское *нравиться*, а не как *любить*, ср.: *Je n'aime pas ce que tu es devenu*.
4. Ср. анекдот: 'Тиви, ты помидоры любишь? - Кушать люблю, а так нет', где обыгрывается именно это противопоставление.
5. Предложение *Он не любит свою тещу* вообще говоря двусмысленно: оно может быть понято также как 'неверно, что любит' (некоторой 'родственной' любовью, которая возможна по отношению к теще); в этом случае реализуется один из вариантов значения 'любить 2' (см. ниже).
6. Вслед за А. Вежбицкой, мы включаем в толкование идею личного знакомства X-а с Y-м и одушевленность Y-а, имея в виду употребление *rag excellence*, и считая прочие - употреблением *rag extension*. Так, христианская категория 'любви к ближнему' есть предписание любить 'ближнего', т.е. незнакомого человека той же любовью, которой любят знакомого.
7. Ср. внутреннюю форму итал. выражения *voler bene*, имеющего, кстати, лишь значение 'любить 2' - в отличие от глагола *amare*, имеющего оба значения.
8. Слово *любовь* может обозначать, кроме того определенные отношения между людьми, продолжающиеся в течении какого-то времени, ср.: *У них любовь; Их любовь продолжалась два года. Впервые за время их любви...* Это отдельное лексическое значение слова *любовь*, которое мы не рассматриваем. Это же значение есть у франц. *amour*, итал. *amore* (ср. *gli amori di Casanova*) - но не у англ. *love*.

9. В словаре G. Devoto, G.C. Oli. Dizionario della lingua italiana. Firenze, 1971 любовь между людьми противоположного пола рассматривается как отдельное и первое значение слова *amore* ('Fra due persone di sesso diverso, dedizione appassionata ed esclusiva, istintiva ed intuitiva, volta ad assicurare reciprocamente felicità o benessere o voluttà'). В латыни - по крайней мере, в языке поэзии Катулла - этому различию, по-видимому, соответствует противопоставление *amare, uri VS. bene velle, diligere*; ср. (стихотворение 72):

...Dilexi tum te non tantum ut vulgus amicam,
Sed pater ut gnatos diligit et generos.
Nunc te cognovi: quare etsi impensius uror,
Multo mi tamen es vilior et levior.
Qui potis est? inquis. Quod amantem iniuria talis
Cogit amare magis, sed bene velle minus.

10. Не имея возможности здесь останавливаться на этом подробнее, приведем лишь некоторые аргументы в пользу предложенного сопоставления. Что касается *наслаждения*, то оно определяется, например, в словаре С.И. Ожегова как 'высшая степень удовольствия'. С парой *радость - счастье* дело обстоит несколько сложнее (так как *счастье* включает идею удовлетворения, достижения желаемого, отсутствующую в *радости*); отметим лишь сходство в способе метафоризации. *Счастье*, как и *радость*, может *переполнять* человека, может быть *незамутненным*, бывает *прилив* счастья (и радости), человек может *светиться* счастьем (и радостью) и т.д. - ср. о радости: Арутюнова 1976: 100, Пеньковский 1992: 151.

11. Ср. следующие примеры:

- Я вас люблю, - проговорил он снова, - я готов отдать вам всю жизнь мою. [...] Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы? (Тургенев, 'Дворянское гнездо')
Ты меня судила так холодно, так строго, а кто тебе сказал, что тот, кого ты любишь, даст тебе счастья больше, нежели на полгода? (Гончаров, 'Обрыв')

12. Ср. следующие примеры:

В субботу появлялась запись: 'Маша'. Это значило - кино, театр, ужин в ресторане, любовь (С. Довлатов, 'Иностранка').
Зрение деловитой любви свиней, к которым он всегда питал не объяснимую мною симпатию, не только не отвлекло его, но, на мой взгляд, и чересчур увлекло (А. Битов, 'Ожидание обезьян');

13. В итальянской версии здесь использовано выражение *fare l'amore* - однако, по-видимому, глагол *amare* тут также был бы уместен - ср. следующие употребления, однозначно указывающие на реализацию значения 'любить 3':

Andai avanti più giorni amando mia moglie la notte e passando il giorno a pensare che non potevo lavorare appunto perché l'avevo amata; Con crudeltà forse non inconsapevole, ella aveva dato appuntamento ad Antonio in quello stesso luogo in cui la notte avanti avevo tentato di amarla (A. Moravia, 'L'amore coniugale').

14. Ср. также диалог из другого романа про любовь: "Ich weiß nicht, was da passiert war. Ich hatte plötzlich so einen furchtbaren Schmerz im Kopf, wie ein gräßliches Pochen oder so. [...] - "Laß mich fühlen" - "Du kannst bestimmt gar nicht fühlen, es ist drinnen im Kopf". - "Ich weiß, aber ich will mitfühlen". (Alain de Botton, 'Versuch über die Liebe')
15. В чешском тексте здесь все три раза употреблен глагол *sít* 'чувствовать' (который входит в слово *soucít*).
16. Что касается чувства сопереживания чужой радости, то, по крайней мере в русском языке для него нет названия. То, что, например, глагол *сочувствовать* обозначает реакцию лишь на отрицательное состояние чужих дел, можно проиллюстрировать следующим диалогом (где отрицательная оценка события вторым говорящим имплицитруется употреблением глагола *сочувствовать*):

А.: У меня сегодня приезжает жена.
Б.: Сочувствую.

Вообще известно, что положительные и отрицательные эмоции устроены крайне асимметрично: даже такие пары как *бояться* и *надеяться* имеют существенно различную семантическую структуру (см. Iordanskaja, Mel'cuk 1990, Zalizniak 1992); с другой стороны, например, для глагола *сожалеть* (≈ 'считать, что поступил неправильно', см. Zalizniak 1991) вообще нет 'положительного' аналога, хотя соответствующее внутреннее состояние - что-то вроде удовлетворения от правильно сделанного выбора - можно себе представить (по свидетельству носителей французского языка, по-французски это состояние обозначается выражением *Je me félicite*). Тем самым нет ничего удивительного в том, что слово *soucít* обозначает сопереживание только чужой боли, но не радости - хотя, опять же, соответствующее чувство можно себе представить (например, нечто подобное может испытывать мать, наблюдающая, как ест ее ребенок, и представляя себе вкус того, что он ест с такой ясностью, как будто она сама его ощущает).

Литература

- Апресян, В.Ю., Апресян, Ю.Д. 1993. Метафора в семантическом представлении эмоций. Вопросы языкознания, № 3, 27-35.
- Апресян, Ю.Д. 1974. Лексическая семантика, Москва.
- Арутюнова, Н.Д. 1976. Предложение и его смысл, Москва.
- Богославский, И.М. 1985. Исследования по синтаксической семантике, Москва.
- Булыгина, Т.В. 1982, К построению типологии предикатов в русском языке. Семантические типы предикатов, Москва, 7-85.
- Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д. 1989. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения. Вопросы языкознания, № 3.
- Вежбицкая, А. Описание или цитация. Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIII. Москва, 237-262 (Wierzbicka, A.: 1970, Descriptions or quotations?. Sign, Language, Culture, t. 1. The Hague - Paris, 1970.)
- Зализняк, Анна А. 1991. *Считать* и *думать*: два вида мнения. Логический анализ языка. Культурные концепты, Москва, 187-194.
- Иорданская, Л.Н. 1970. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства. Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 13, Москва, 3-26.
- Левонтина, И.Б. 1995. Синонимический ряд *жалость, сочувствие 1, сострадание, участие 2*. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. Москва, 220-231.
- Пеньковский, А.Б. 1991. *Радость* и *удовольствие* в представлении русского языка. Логический анализ языка. Культурные концепты, Москва, 148-155.
- Jordanskaja, L., Mel'cuk, I. 1990. Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* "to be afraid" and *nadejat'sja* "to hope". Australian Journal of Linguistics, Vol.10, №2.
- Kundera, M. 1987. Fictive Lightness, Fictive Weight (Two interviews with Kundera). Salmagundi: A Quarterley of the Humanities & Social Sciences, N.Y., № 73.
- Nemcová Banerjee, M. 1990. Terminal Paradox. The Novels of Milan Kundera. N.Y.: Grove, Weidenfeld.
- Wierzbicka, A. 1992a. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford, Oxford University Press.
- Wierzbicka, A. 1992b. Defining Emotion Concepts. Cognitive Science 16.539-581.
- Zalizniak, Anna A. 1991. De la nature du regret. Bulletin de la Société de linguistique générale et appliquée. Université de Besançon. №17.67-75.
- Zalizniak, Anna A. 1992. Investigations in the Semantics of Inner State Predicates. Slavistische Beiträge, B.298. München: Otto Sagner Verlag.